

С ГАРДЗОНИО

**ДИНАМИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ РОССИИ
В «РОССИЯДЕ» М. М. ХЕРАСКОВА:
ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ**

Процесс создания русской национальной эпической поэмы занимает большую часть истории литературы XVIII в. Начиная с первых теоретических определений эпического жанра до завершения Херасковым его «Россияды» (1771—1779) вся поэзия русского классицизма занята задачей подарить русской словесности эпическое творение, достойное великих образцов античных и новых европейских литератур, от Гомера и Вергилия до Тассо и Вольтера

Как известно, попытки создать новую национальную эпическую поэму вокруг личности и дела Петра Великого (Кантемир, Ломоносов) или Дмитрия Донского (Сумароков) не увенчались успехом. Первая законченная русская эпическая поэма, «Россияда» Хераскова, посвящена Ивану Грозному и взятию русскими войсками города Казани.

Написанная тяжеловесным каноническим шестистопным ямбом парной рифмовки, поэма развивается в 12 песнях, составленных из нескольких тысяч стихов. Писалась она восемь лет («осьмилетний мой труд», как ее определяет сам автор). Жена поэта, Е. В. Хераскова, писала поэту Д. И. Хвостову, что поэма сочинялась сначала в Москве, а закончена была в Петербурге.¹

В то время как процесс написания разделен между двумя столицами, Москвой и Петербургом, все строение поэмы четко определено противопоставлением и соотношением между Москвой и Казанью. «Россияда» представляет собой величественную картину антитезы и синтеза русского центра и русской периферии, русской монолитности и русского многообразия. Весь мифологический и мифопоэтический комплекс городской символики приобретает в поэме особую значимость и предлагает особую мифотворческую,

¹ Письмо Е. В. Херасковой Д. И. Хвостову, 16 августа 1808 г. // Русская старина. 1890. Июнь. С. 673.

поэтическую и историософскую интерпретацию судьбы России, ее прошлого и ее будущего. Литературные предпосылки поэмы, как сказано, многочисленны. Весь комплекс классической эпики представлен поэтическими образами, цитатами, ссылками, подтекстами. Для дальнейшего анализа интересующего нас вопроса в чисто историософской перспективе особо значимой будет роль поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Но сначала обратим наше внимание на текстовую, т. е. чисто литературную, сторону представления-противопоставления Москвы—Казани.

Херасков включает в поэму «Историческое предисловие», в котором вкратце излагается история Древней Руси и в частности княжеских междоусобиц, распада Киевской Руси и, наконец, утверждения «бедственного ига хищных орд», т. е. татарского ига. Во второй части предисловия Херасков касается личности и деятельности Ивана Грозного, подчеркивая и новаторскую роль царя, и важнейший вклад «служивших ему князей, вельможей и всего российского воинства». Вот как сам поэт описывает деятельность Грозного и определяет его исторический облик: «Когда вообразим в мыслях наших государство, совсем расстроенное, от соседственных держав угнетенное, внутренними беспокойствами раздираемое, несогласием многоначальства волнуемое, иноверцам поработенное, собственными вельможами расхищаемое, когда все сие вообразим и представим себе младого государя, самодержавную власть приемлющего, неустройства в отечестве искоряющего, сильных и страшных неприятелей державы своей поправшего, многоначальство обуздывающего, мятежников в недрах отечества усмирившего, отторженные соседями грады возвращающего и целые государства своему скипетру присовокупившего, несогласие и гордость бояр укротившего, благо-разумные законы подающего, воинство в лучший порядок приводящего, — не почувствуем ли уважения толь великого духа к государю?.. Таков был царь Иоанн Васильевич!

Иностранные писатели, сложившие нелепые басни о его суровости, при всем том по многим знаменитым его делам великим мужем нарицают. Сам Петр Великий за честь поставлял в мудрых предприятиях сему государю последовать».²

«Россияда» писалась в годы, когда Хераскову были близки либеральные взгляды дворянской оппозиции, осуждавшей тираническое самодержавие (как известно, несколько лет спустя Великая Французская революция напугала не только его ..). Отсюда утопический идеал единения царской власти и аристократии, отсюда идеализация фигуры князя Курбского, который является важным героем поэмы.³ Отсюда значительная сюжетная роль «русских витязей»

² Херасков М. М. Избранные произведения Л., 1961 С. 178 (Библиотека поэта Большая серия 2-е изд.)

³ Ср. Западов А. В. Поэты XVIII века А. Кантемир А. Сумароков. В. Майков М. Херасков Литературные очерки М., 1984 С. 203—204

(того же Курбского, Палецкого, Микулинского и т. д.) и незнатного приближенного царя Алексея Федоровича Адашева.

Одновременно образ Грозного прекрасно вписывается в идеал просвещенного и гуманного монарха, а также ломоносовского царя-труженика. Изображение единого и стройного русского стана основывается на идее общенародного значения Казанской победы.⁴

Далее, в кратком «Взгляде на эпические поэмы», Херасков определяет жанр и назначение своего творения. В частности, после перечня главных эпических моделей, от античных до Тассо и Мильтона, он уточняет. «Для тех сие пишу, которые думают, будто эпическая поэма похвальною песнию быть должна. Эпическая поэма заключает кое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода, — таков есть „Погубленный рай“ Мильтонов; или воспевает случай, в каком-нибудь государстве произошедший и целому народу к славе, к успокоению или, наконец, ко преображению его послуживший, — такова должна быть поэма „Петр Великий“, которую, по моему мнению, писать еще не время. Два великие духа принимались петь Петра Великого, г. Ломоносов и Томас; оба начали — оба не кончили.

К такому роду поэм причесть должно „Генриаду“ Волтерову — и мою „Россиаду“, не сравнивая, однако, слабое мое творение с превосходной эпикой Волтеровой. Горе тому россиянину, который не почувствует, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу приобрело наше отечество от разрушения Казанского царства!»⁵

Вот вкратце общий замысел эпического творения Хераскова, откуда уже ясна идея противопоставления и борьбы на всех уровнях, историческом и идейно-эстетическом, центра и окраины, метрополии и периферии, столицы и провинции.

Итак, Москва и Казань, но не только они, если учесть тенденцию Хераскова к аллегоризации образов городов.⁶ Посмотрим, как он строит их поэтические образы и на каких идеологических предпосылках.

Два города представлены в поэме как историко-географические сущности, но одновременно и как одушевленные действующие лица, как настоящие города и как метафоры разнообразного содержания (Россия, христианство, мусульманство, Запад, Восток и т. д.).

Естественно, главное в изображении Москвы — ее традиционная функция слияния русского патриотического чувства и защиты

⁴ См. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955. С. 157—160.

⁵ Херасков М. М. Избранные произведения. С. 180.

⁶ Ср. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. С. 173.

христианских ценностей и идеалов. Изображение Казани двойственно и противоречиво. Уже отмечалось, что в то время как образ России связан с эпическим характером поэмы, образ Казани связан с «романическим» началом, т. е. с любовным сюжетом поэмы. Отсюда главная сюжетная антитеза всей поэмы. «Эпическое» и «романическое» противопоставлены и идеологически разграничены.⁷ Посмотрим, как Херасков поэтически характеризует Казань.

Интересно само стремление к семантизации слова *Казань* в рифменной позиции. Главным образом, оно рифмуется со словом *брань* в разных флексивных формах: *Казань / брань*; *Казани / брани* и т. п. В данной рифмовке как бы сосредоточен весь сюжет поэмы: битва за взятие, за освобождение города. Рифма повторяется постоянно по всему тексту. Наряду с ней встречается и рифма *Казань / дань*, отмечающая позорное положение города, подчиненного татарской власти и платящего дань:

В ее объятиях рожденная Казань
Из томных рук ее брала позорну дань...

В рифмующей позиции выступает и гидроним Казанка, приток Волги, на котором стоит город. Вот интересный пример:

Окровавляются берега реки Казанской,
И кровь ордынская смешалась с христианской.
Багровые струи, Казанка где текла,
Несут изранены и бледные тела...

Данная рифмовка ярко подчеркивает антитезу между «магометанской тьмой» и православным воинством и в то же время соединяет их в смертельном бою. К этому стоит добавить, что в поэме неоднократно предлагаются оксюморонные рифмы «Махометанской / Христианской», «Махометанство / Христианство».

С этими же стихами перекликается другой интересный образ (песнь X), который, однако, хронологически относится уже ко времени самого Хераскова:

Уже в полях у вас кровавых браней нет,
Где прежде кровь лилась, там малый Тибр течет;
Парнаские цветы, как благовонны крины,
Цветут под сению щедрот Екатерины...

Казань уже не рифмуется с бранью. Образ Казанки как «малого Тибра» особенно значим после присоединения Казани к России, когда город стал как бы новым Римом и ее река новым малым Тибром. Это победа не только христианского, но и римского, и антично-

⁷ Там же. С. 156.

го мира, учитывая параллель в речи Сумбеки между походами варваров против Рима и действиями казанских воинов:

«О мужи храбрые! — она вещает им, —
От коих трепетал и Греция и Рим,
Которы именем Чингиса и Аттилы,
Явили страшными свои народам силы.. »

Такое поэтическое истолкование Казани как нового восточного Рима имеет многочисленные идейные и исторические подтексты. Идея о культурном расцвете города, о его растущей роли в екатерининской России, империи азиатского измерения, подчеркивает важную роль Российской империи как религиозного и культурного катализатора в ареале. Одновременно Казань, город освобожденный от мусульманского ига, соотносима с Византией, с городом Константина, освобождение которого стало задачей русских армий екатерининского времени. Вспомним, что первое эпическое сочинение Хераскова, «Чесмесский бой» (1771), — посвящено славной победе русского флота во время русско-турецкой войны (1768—1774).

Итак, образ Казани объединяет образы Рима и Византии, великий подвиг Иоанна Васильевича, русской знати и всего русского народа — это как бы пример и предсказание будущего освобождения Византии и, следовательно, полного осуществления универсалистской «третьеримской» миссии Московии.

Такой провиденциальный характер образа Казани и ее взятия имеет традиционную историческую основу, которая, как увидим, обуславливает поэтический выбор Хераскова. в частности, ориентир на «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо.

Дело в том, что взятие Казани — это не просто завоевание, а освобождение города, чей образ и символика тесно связаны с провиденциальными и историософскими взглядами русского религиозного универсализма. Интересное подтверждение этому можно найти в первую очередь в главном историческом источнике о взятии Казани, т. е. в «Казанской истории», которая лежит в основе сюжета эпической поэмы Хераскова.⁸

Как мы знаем, «Казанская история» имеет своей предысторией «начало царства при Иване Грозном в эпоху падения и поруганности Царьграда».⁹ Известно также, что Казанский летописец — сторонник идеи о Москве — третьем Риме и о последнем царстве в чисто эсхатологическом духе. Как показала М. Плеханова, прославление Москвы на фоне противопоставления мусульманскому миру развивается в компилятивном тексте при странной противоречи-

⁸ См. Сидорова Ю. Н. «Россияда» М. М. Хераскова и «Казанская история» // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 97—104.

⁹ Плеханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 177.

вости и смешанности оценок¹⁰ Оксюморонный характер сюжета, оценок и поведения главных героев отражается и на ценностном определении образа Казани, Казанского царства и его символики. Как пример, можно привести положительную оценку казанской доблести при взятии города¹¹

«Казанская история» генетически тесно связана с «Повестью о взятии Царьграда», хотя сама «Повесть» в ней не упоминается. По наблюдению М. Плюхановой, действующие лица «Казанской истории» «начинают разыгрывать свою драму по другому сценарию — по „Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году“»¹²

В этой перспективе въезд Ивана IV в Казань уподобляется въезду Магомета в Царьград. Завоевание Казанского царства символически превращается в начало Московского царства вообще и тем подчеркивается символический статус Казани в общей царственной концепции Москвы как последнего царства и Третьего Рима. Казань — это, с одной стороны, новый Царьград, но как бы в перевернутой перспективе во время ее осады и взятия (отсюда противоречивость и смешанность оценок), и в прямом смысле — после воцарения Ивана Васильевича, так как именно взятие Царьграда дает право на царские регалии.

Как известно, такое понимание завоевания Казанского царства присуще и фольклорным текстам, но в фольклорных текстах встречается и другая интересная нам параллель. Имеется в виду уподобление Казани Иерусалиму. Данная параллель развивается уже в «Казанской истории», как параллель с гибнущим Иерусалимом, а Иван Васильевич уподобляется римскому императору Титу¹³

Безусловно, такие взгляды на исторические события взятия Казани не были чужды Хераскову, хотя, разумеется, они вписывались в другие идейные и символические рамки. Казань у него предстает и вторым Царьградом, и вторым Иерусалимом.

Одновременно поэма Хераскова развивает и другие, чисто поэтические параллели, как например Казань — Троя, впрочем не останавливаясь слишком на античной мифологии¹⁴

Внутри себя и вне мечи и пламень зря,
Встречает город сей российского царя,

¹⁰ Там же С. 178 и сл.

¹¹ О феномене смешанных чувств дали разные оценки и интерпретации такие ученые, как Г. Н. Моисеева и Э. Л. Кинан. См. *Моисеева Г. Н.* Казанская царица Сююмбике и Сумбека «Казанской истории» // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 174—187; *Keenan E. L.* Coming to Grips with the Kazanskaya Istoriya. Some Observations on Old Answers and New Questions // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. 1968. XI. 1964—1968. N 1—2. P. 144—177.

¹² *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 183.

¹³ Там же С. 199 и сл.

¹⁴ Ср. *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. С. 161.

Который окружен отечества сынами,
Как новый был Атрид у Трои под стенами...

С другой стороны, сразу же представлена генеалогия русских царей, которая определяет собой идеологическую направленность изображения Московского государства. Вот слова Адашева в первой песни:

«Се Рюрик, предок твой, — вещает он царю, —
Троянску отрасль в нем и Августову зрю;
Он, силы подкрепив колеблемой державы,
Потомкам начертал бессмертный образ славы...»

Иоанн Васильевич одновременно потомок Енея и новый Атрид. Противоречивость его образа и всего образа России находит свое решение в христианском идеале и в дальнейшей истории России после взятия Казани. В восьмой песни представлен сон Грозного и видение отшельника, пророчествующего о дальнейшем ходе истории России. Кульминация рассказа относится к екатерининскому времени. Здесь провиденциальное чтение истории находит свою вершину, свое откровение в прямом смысле слова (не забудем, что в 1777 г. родился будущий царь Александр Павлович):

Придут к ней цари, как в древний Вифлием,
Не злато расточать, не зданьям дивиться
Придут к ней цари, но царствовать учиться...

В «Россияде» проглядывает сложное и противоречивое переплетение соответствий символического характера между центром и периферией. А именно: с Иерусалимом, Царьградом и Римом как бы соотнесены Москва, Санкт-Петербург и Казань (центральный характер Санкт-Петербурга — это новый элемент, придающий делу Петра сакральную окраску). Иерусалим и Москва — это святые города, Царьград и Санкт-Петербург — это города царской власти, в то время как Рим и Казань — это города для нового завоевания и дальнейшего расширения империи. Не надо забывать, что «Россияда» отражает и атмосферу годов Пугачевского бунта и его подавления, и одновременно особую евразийскую направленность правительства Екатерины II. К этому надо добавить и крымскую тематику (присутствующую в «Россияде»), которая была особенно актуальной в эти же годы.¹⁵ Стратегическое значение Казани тут очевидно, как и очевиден рост культурного и политического значения города.

¹⁵ См.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2001.

Стоит добавить, что символический, скорее всего аллегорический, характер «Россияды» подразумевает особый, просветительско-дидактический подход к вопросу. Херасков — человек XVIII в., близкий к Новикову. Старинный образ святого русского города чередуется с образом Петербурга, новых Афин наук и искусств. Данная тенденция по аналогии распространяется и на Казань. Не случайно именно в эти годы Казань, родина Державина, стала все явственней приобретать облик нового центра науки и культуры.